

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации **Корниенко Светланы Юрьевны «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева»** на соискание учёной степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, представленной в диссертационный совет Д 002.209.02 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

Диссертация С.Ю. Корниенко представляет собой завершённое исследование монографической литературоведческой темы (не культурологической, несмотря на заголовок) и посвящено в конечном итоге изучению литературного процесса, проступающего через призму мемуарных произведений Максимилиана Волошина и Марины Цветаевой. Хотя в центр специального внимания поставлена конкретная проблема самооценок поэтами собственной творческой личности (постоянно сам себя комментирующий и интерпретирующий поэт), диссертация обнаруживает и оправдывает намного более существенную претензию исследователя осветить не только две яркие творческие индивидуальности русских поэтов, но и нарисовать весьма пеструю и вместе с тем целостную картину литературной жизни России 1909 – 1932 годов и Русского зарубежья периода первой волны русской эмиграции в широком историко-культурном контексте.

В центр специального научного внимания выдвинуты тексты, представляющие довольно узкий круг (мемуары, литературно-критические статьи, эпистолярный, дневниковые записи двух обозначенных в заголовке поэтов), однако, охват литературных и историко-культурных источников весьма широк.

Привлечение многочисленных редких, малодоступных материалов литературной периодики обозначенного периода (журналы «Весы», «Аполлон», «Северные записки», журналы для женщин, эмигрантские газеты «Руль», «Дни», «Возрождение», «За свободу», «Последние новости» и др.), ярких архивных материалов, философских сочинений даёт возможность исследователю выйти на новый уровень осмысления проблемы самосознания поэта-модерниста. Отбор литературно-критических статей, мемуаров и писем современников двух поэтов весьма убедительно мотивирован, сами по себе многие вкрапления текстов настолько интересны, что ускользает сама необходимость контролировать мотивацию их включения в диссертацию.

Концептуально значимыми в методологическом отношении С.Ю. Корниенко выдвинула труды американского литературоведа Хэролда Блума: «Интересующее нас направление исследований было заложено в классиче-

ских монографиях Х. Блума «Страх влияния» (1973; русский перевод – 1998 год) и «Западный канон» (1994)...» (с. 9 дисс., с. 5 автореф.).

С.Ю. Корниенко находит в многогранно изученном наследии поэтов свой, оригинальный научный аспект, по-новому преломляет известные литературные факты и события, открывает потаенные страницы деятельности писателей, художников, критиков, околотитулярной публики.

Опираясь на теоретические и историко-литературные труды авторитетных исследователей М. Цветаевой (Е. Коркиной, И. Шевеленко, М. Мейкина), М. Волошина (В. Купченко, А. Лаврова, З. Давыдова), Мандельштама (А. Мец), М. Кузмина (Н. Богомолова, Дж. Малмстада), Вяч. Иванова (О. Коростелева), С.Ю. Корниенко удается систематизировать огромный корпус литературно-критической, культурологической, искусствоведческой литературы, посвященной исторической и литературно-творческой обстановке, в которой формировались взгляды двух выдающихся поэтов на творчество и собственное призвание.

С.Ю. Корниенко формулирует *цель* и конкретные *задачи* исследования, выдвигает лаконичные и емкие положения, выносимые на защиту, и последовательно подчиняет их разворачиванию ход научного повествования.

Применение сравнительного, структурно-системного, интертекстуального методов в работе вполне оправданно, их плодотворность подкрепляется конкретикой аналитических и обобщающих рассуждений.

Цель, обозначенная во введении, – «описание моделей цветаевского и волошинского самоопределения на фоне эстетических тенденций и аналогичных практик, как современников, так и предшественников (поэтических «отцов»)» (с.8 дисс., с.3 автореф.) – в конечном итоге, безусловно, достигнута. Даже более того, исследователь отнюдь не ограничивается описанием того, что характеризуется словом *модели*. Все же слово *модель* имеет значение некоей схемы, в процессе обрастания многочисленными уточнениями и дополнениями схема наполняется живым содержанием, поистине семантика названия воспоминаний «Живое о живом» своеобразно воздействует и на исследователя, постепенно преодолевающего заданную структурную ограниченность. Причем оживают не только два главных лица, но и им сопутствующие, хотя и простиупающие только частью своего облика, контурно: В. Брюсов, О. Мандельштам, М. Кузмин, К. Бальмонт, А. Ахматова, Е. Дмитриева, С. Парнок, Н. Гумилев, А. Толстой, И. Бунин, А. Ремизов и др. Приобретают живые очертания и мировые классики: Гете, Пушкин и др.

Многоразличные препоны на узко регламентированном научном пути успешно устраняются тщательностью изучения многочисленных интерпретаций не только мемуарной и дневниковой прозы двух поэтов, но и самостоятельными и добросовестными усилиями в области постижения закономерностей и сложной цельности мировоззрения поэтов, их художественного мира в целом, эстетической атмосферы нескольких исторических периодов.

Объективная трудность научного постижения поэтических личностей и литературного процесса преодолевается расширением историко-

культурного контекста, многочисленными сопоставлениями позиций двух поэтов не только друг с другом, но и многими их современниками: поэтами, прозаиками, фельетонистами, литературными критиками, художниками, музыкантами, философами, театральными, религиозными и общественными деятелями.

Самоопределение поэтов рассматривается в работе с учетом целостной эстетической системы наследия М. Цветаевой и М. Волошина. На этом пути исследователь обнаруживает широкую осведомленность в истории поэзии и литературной критики Серебряного века и Русского зарубежья, понимание классических произведений и позиций их авторов в русской литературе XIX века, западно-европейской культурной истории, расставляя при этом и собственные акценты, более основательные в конечном итоге, нежели это сформулировано во вступительных установках и выводах.

Достоверность полученных результатов подтверждена новизной концепции, цитированием многочисленных источников, снабженных ссылками на издания и архивохранилища, солидными публикациями. Принадлежность к объекту исследования ставших классическими произведений русской поэзии, драматургии, мемуарно-дневниковой прозы, а также впервые введенных в научный оборот современного литературоведения редких архивных материалов придает научной концепции работы дополнительную значительность.

Основные положения диссертации прошли весьма солидную *апробацию* на многих международных и всероссийских конференциях, нашли воплощение в монографиях и статьях, пятнадцать из которых опубликованы в изданиях, включенных в перечень ВАК. С.Ю. Корниенко подтвердила свой профессиональный уровень не только в качестве автора литературоведческих сочинений, но и как составитель и редактор сборника научных трудов.

Структура диссертации отражает сложную логику рассмотрения предмета, подчинена общим принципам организации гуманитарного исследования. Диссертационное исследование С.Ю. Корниенко включает 393 страницы основного текста, состоящего из введения, четырех глав, заключения, сопровождается обширным списком привлеченной литературы (419 наименований), и Приложения на 45 страницах (с.423–467).

В довольно кратком *Введении* диссертантом сформулированы *цели и задачи* исследования, обозначена теоретическая база исследования, выдвинуты *положения, выносимые на защиту*, отмечены формы ее апробации, в том числе в виде докладов на международных и всероссийских конференциях.

Первая глава «*Круг чтения*» и *формирование авторской идентичности: Марина Цветаева и Максимилиан Волошин*» (с. 21–105) разделена на пять параграфов, посвященных различным читательским предпочтениям Марины Цветаевой: прочтению (переживанию) ей произведений Пушкина и Байрона, Анри де Ренье, отказ от Генриха Манна, несмотря на рекомендации Волошина. Особое внимание уделено волновавшей Цветаеву переписке Беттини Brentano с И.В. Гете и его матерью. Это подготавливает ключевые по-

ложения, касающиеся научной интерпретации творческих установок и жизненных принципов будущей поэтессы.

В каждом из параграфов первой главы поочередно прослежены впечатления Цветаевой от текстов, которые она воспринимает как своеобразные прецеденты собственного творчества, что стало очевидным и для нее самой в 1930-е годы, когда она работала над мемуарами о Волошине.

Во второй главе «*Ложные воспоминания в автоматодискурсе М. Цветаевой («Живое о живом»)*» (с. 106–285), состоящей из двух разделов, в свою очередь раздробленных на 4 и 2 параграфа, рассмотрены оценки М. Цветаевой В. Брюсова, взаимоотношения с О. Мандельштамом, их динамика и отторжение друг от друга после разлуки, уделено внимание поэме М.И. Цветаевой «Молодец», по-своему осмыслено отношение поэтессы к Москве, русским ценностям, «русскому стилю», староверчеству, сектанству, в особенности хлыстовству. В данном случае можно было бы ожидать более определенных оценок, С.Ю. Корниенко как будто уклоняется от вопросов аксиологии, однако позиция автора диссертации просвечивает за подбором «объективных фактов». Само название главы актуализирует проблему вымышленных или намеренно искаженных «фактов» в воспоминаниях, которые по жанровому канону должны исключать домыслы (быть литературой *pop-fiction*), но модернистское мироощущение их допускает. Художественное воображение мемуаристки рисует фигуру некоего Петухова – карикатуру на патриота. Сопrotивление Цветаевой «стадности» находит проявление и в этих иронических страницах биографического очерка о Волошине. Маленькое уточнение к странице 229 о лисьем чучеле, превращенном в «петухив»: по-видимому, *был* такой воротник, не случайно он запечатлен в одном из лирических стихотворений Цветаевой о своей русской судьбе: «Слёзы – на лице моей облезлой...»

Пристальный, скрупулёзный профессиональный анализ текста воспоминаний Цветаевой о Волошине подводит автора диссертации к емким обобщениям: « <...>Наличие заведомо фикциональных эпизодов в мемуарном или биографическом очерке, которые невозможно объяснить ошибками памяти мемуариста, позволяет говорить о модернистской мемуаристике не просто как о жанровой вариации канонического мемуарного очерка, а как о явлении принципиально иной – *fiction-литературы*. Петуховский сюжет точно отсылает к важным моментам биографии Цветаевой – нескольким вхождением в литературу. Если в дореволюционной литературе ее встретят Волошин и Брюсов, то в Париже – Адамович и Яблоновский. Необычность цветаевской авторефлексии – о своем месте в литературе, о пушкинском наследстве и принципах поэтики – выражается в том, что она представлена не в форме риторических сентенций, а обретает сюжетность, характерную для “большой литературы”» (с. 284-285 дисс., 36-37 автореф.).

С.Ю. Корниенко обнаруживает, что противоречивость и расщепленность современной жизни в конечном итоге становятся предметом осмысле-

ния художника-модерниста, хотя над объектом познания доминирует его собственная лирико-биографическая исповедь.

За *первой* и второй главой, в которой последовательно, из мельчайших деталей создан исследователем портрет молодой Цветаевой, в диссертации следует глава, в которой на первый план выступает формирование личности М. Волошина.

Третья глава «*Максимилиан Волошин: путешествие как обретение идентичности*» (с. 286–344) посвящена анализу биографических источников, в том числе дневника, который вели путешественники, познающие Италию (Волошин с двумя друзьями), эстетическим и философским вопросам, которые волновали современников трагических лет войны и революции 1917 г.

Заданный ракурс изучения личности поэта-модерниста последовательно и весьма убедительно разворачивается через описание роли путешествий для национального и личностного самосознания поэта. В поле научного осмысления исследователя такие локусы, как Рим, Неаполь, Ташкент, Коктебель, Москва, Киев. Рассмотрение восприятия укладов, культурных феноменов Запада и Востока дает возможность исследователю по-новому открыть многогранную личность Волошина, характер его связей с модернизмом.

Литературоведческий анализ подчинен исследованию связей Марины Цветаевой и Максимилиана Волошина друг с другом. Особо следует отметить, что в процессе работы над главой С.Ю. Корниенко проявляет себя как виртуозный интерпретатор сложнейших ситуаций, иногда вступает в полемику с предшественниками (например, на с. 173 – с И. Шевеленко).

Подход диссертанта к анализу очерка «Живое о живом» представляется весьма продуктивным, причем дело не только в методической схеме, от которой отталкивается исследователь, но скорее в профессиональных и личностных достоинствах добросовестного ученого, каковым обнаруживает себя С.Ю. Корниенко.

Четвертая глава «*Ролевая идентичность и самоопределение человека модерна*», (345–388) как сказано в автореферате, «посвящена образу институцированного “другого” в цветаевском самоопределении» (с.42 автореф.).

Здесь рассматривается психологический тип Казановы в интерпретации Цветаевой. В связи с этим оригинально анализируются драматургические произведения писательницы «Метель», «Приключение» и «Феникс».

Присутствие пушкинского образа Татьяны, отголоски этого знаменательного в ее творческом мире подробно и выразительно комментируются во втором параграфе.

Завершает аналитическую часть работы сопоставление цветаевского отношения к ставшим своеобразными мифологическими фигурами Марсело Прусту и Пушкину.

В **заключении** сформулированы краткие, но подтвержденные логикой исследования выводы, вытекающие из аналитических глав и параграфов, свидетельствующие об умении диссертанта выразить стержневую суть науч-

ной концепции: (с. 390–391 дисс.).

К безусловным достоинствам работы следует отнести стройность изложения материала, широкое и уместное привлечение к исследованию редких, затерянных в потоке периодики и разысканных в архивохранилищах материалов, аргументированность выводов, тонкость филологических комментариев, четкость оформления научного аппарата (отступления от принятого за основу ГОСТа весьма редки, связаны с сокращениями при повторном цитировании).

Дополнительной «изюминкой» работы является приложение, включающее острые, весьма «тенденциозные», но остроумные и яркие публикации русской дореволюционной и зарубежной периодики, посвященные центральной проблеме диссертации: статьи и фельетоны Александра Яблоновского, Виктора Буренина, Михаила Москвина, Михаила Меньшикова, Михаила Струве, Александра Бенуа, Георгия Адамовича, Ивана Бунина, Алексея Ремизова, Юрия Айхенвальда. Вкупе с основным текстом и подстрочными примечаниями Приложение придает диссертации характер увлекательного чтения.

В то же время диссертационное исследование несвободно от некоторых упущений и недочетов, побуждает к научной полемике.

Выскажем некоторые замечания, возражения и пожелания.

1. Определение задач филологической науки содержит логический порок: «нахождение адекватного языка описания для особого типа поэтической личности, рожденной модернистским самосознанием» (с.3 автореф.). О чем речь? О личности, самой себя сознающей и этим сознанием *порождающей* себя? Формулировка темы и определение задач исследования сужает, ограничивает исследовательское поле научного изучения творческих личностей поэтов и взаимоотношений между ними. Думается, что установки Х. Блума лишь самым внешним образом помогли структурировать диссертацию: «Представления Х. Блума о внутренних «двигателях» литературного процесса, которыми становятся: «перечитывание» сильных текстов, уже утвердившихся в культуре, борьба «старших» и «младших» поэтов за возможность обновления канона и попадание в пантеон классиков, – позволяют иначе взглянуть на природу интертекстуальности и механизмы, управляющие литературным процессом» (с.5 автореф., с.9-10 дисс.). Разысканные и процитированные в тексте работы материалы, сравнительный анализ нескольких редакций очерка «Живое о живом» – плоды кропотливого исследовательского труда – выводят личности поэтов за рамки довольно жесткой и спрямленной концепции, заданной идеями Блума и Эткинда.

2. При общей оправданности многочисленных ссылок нужно признать преобладание информативных материалов над аналитическими рассуждениями, иногда их засилье. Некоторые приведенные цитаты представляются избыточными, например, из путеводителей по Италии. Иногда наоборот: то, что включено в сноску, прямо просится в основной текст, поскольку имеет прямое отношение к теме.

3. Довольно обширный список литературы почему-то не содержит работ Анны Саакянц, одной из первых в отечественном литературоведении исследовательниц творчества Марины Цветаевой. Не включена в библиографический список книга Марии Белкиной, – зато многократно цитируется Ирина Шевеленко. Не указаны работы Д.Е. Максимова, Зарры Минц о русском символизме и Блоке, В.М. Жирмунского об Ахматовой, книга Н.П. Комоловой «Италия в русской культуре Серебряного века» (М., 2005). Современная тенденция ориентироваться на «современные» труды сказывается в умолчании о принципах исследования проблемы соотношений автора и созданного им художественного мира, разработанных в трудах М.М. Бахтина, А.П. Скафтымова, В.В. Виноградова, их последователя С.Т. Ваймана.

4. В грамотно организованном литературоведческом изложении встречаются незначительные опечатки в виде подмены отдельных букв (с. 11, 13, 372, 378).

5. Одобряя в целом последовательность в употреблении теоретических понятий и терминов, замечу, что не в каждом случае оправданно употребление в тексте диссертации обильных латинизмов, греческих слов и выражений, американизмов, в том числе терминов американской экономики: «неконвенциональность» – с.82, 275; «фрустрационный» – с.82; «фрустрация реальных петербуржцев» – 175; «политических конвенций» – 170, 235; «поэтической корпорации» – 231; «возможность культурной конвертации»; «в рамках изучения цветаевской автореференции были затронуты проблемы ее взаимоотношений с литературными институциями» – с.12 дисс.; «экстраполяцию сложившихся на тот момент отношений с эмигрантскими институциями» – с. 232; Ахматова названа «поэтической конкуренткой» – 82; «литературно-политические корпорации» – в заголовке пункта 2.2.2; «аспектирование границ культурных эпох инвариантно представлено в автometадискурсе...» – с.56; «критики брюсовского пула» – с.100; «критического пула» – 110, 130; «пулу правых лидеров» – 235; «Москве, <...> экстериоризовавшей идеал...» – 180; «акционистские сценарии вхождения в литературу» – с.116; «Розанов негативно маркирует партийную закрепленность фельетониста, делегируя ответственность беллетристам либерального пула»; желание «нормировать трансгрессивного писателя» – с. 246; «цветаевский «Мой Пушкин» <...> выступает в качестве агона брюсовского «Моего Пушкина» (1929)». Это – кроме ставших почти привычными заимствований из области лингвистики: «маркирует» вместо «обозначает» («маркером разности эстетических моделей Гёте и Волошина являются...» – с. 303), ставших шаблоном «оппозиций», «дискурса», «автometадискурса», «коннотаций» и «коннотат».

Думается, что эта увлеченность модной терминологией – свидетельство хорошего владения иностранными языками, благодаря чему процитированные фразы предстают как имеющие прозрачную семантику. Однако, на мой взгляд, для литературоведа, занимающегося русской литературой, более уместен не «западный канон» Х.Блума, а близкий к художественному язык таких литературоведов, как К.В. Мочульский, А.П. Скафтымов, Ю.М. Лотман, В.С. Непомнящий.

Возможности практического применения работы не вызывают сомнений: ее материалы могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях, при составлении комментариев к изданию текстов М.И. Цветаевой и М. Волошина, в учебно-методических разработках, в преподавании русской литературы XX века в высших гуманитарных учебных заведениях (бакалавриате, магистратуре). Сделанные в работе выводы и наблюдения открывают перспективы дальнейшего теоретического и историко-литературного исследования творческой личности XX–XXI века.

Всё вышесказанное дает основание сделать вывод: диссертация «Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин – Марина Цветаева» вносит существенный вклад в литературоведческую науку, соответствует критериям, указанным в Положении о присуждении ученых степеней, утвержденном постановлением Правительства Российской Федерации 24 сентября 2013 г. № 842 (пунктам 9, 10, 11, 13, 14), а ее автор – Корниенко Светлана Юрьевна – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

08 февраля 2016 г.

Официальный оппонент – доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской
литературы XX века МГОУ

Алексеева Любовь Федоровна

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования Московский
государственный областной университет,
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а,
mgou.ru; Историко-филологический институт,
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 21а,
ins-istfil@mgou.ru;
Факультет Русской филологии,
кафедра русской литературы XX века,
kaf-ruskdvv@mgou.ru
тел. служ. 8-499-267-65-54,
моб. 8-925-011-03-06.

Сведения о публикациях прилагаются.